

Владимир КАЛАШНИКОВ

ПИТЕР, ПЕТРУША, ПЁТР

Владимир Владимирович Калашников родился в 1986 году. Окончил Московский инженерно-физический институт. Автор романа в эпизодах на материале русского Серебряного века «Лига выдающихся декадентов». Лауреат премий «Хронограф» и «Интерпрессион» в номинации «Дебютные книги», финалист премии «Новые горизонты». Участник Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России» (Оренбург, 2020). Живёт в Подмоскowie.

1698 год

— Кто бы мог думать, что подмена царственной особы — такое лёгкое дело! — канцлер поцокал языком. — Мы полагали, что возникнут проблемы со свитой.

— Лефортов давно уже наш, — воодушевлённо продолжал доклад Фо, семена подле своего покровителя, — а Возницын с Головиным молчать будут: им наглядно объяснили, что может статья с их государем, ежели шум поднимут.

Вельможа проследил взглядом полёт сойки и спросил:

— Что ваш человек? Справляется с ролью?

— Более чем! Более чем! — с нажимом отвечал Фо. — Кое-кто из низших чинов посольства начал роптать. Так, представьте, при осмотре анатомического театра Боб Сингльтон приказал недовольным рвать зубами мускулы покойника! Христианнейшим людям — и грызть хладную плоть! Ясно, у одного апоплексический удар, другой

повредился в уме. А прочих Боб насильно поит водкой до полусмерти... Господин канцлер, — в глазах у Фо заплясали огоньки, — надобно позаботиться о портрете Синглтона во всех царских регалиях, в латах. Прежде царя московитов не рисовали, поэтому первый портрет будет считаться своего рода документом, образцом внешности.

— Я сразу подумал о живописце Кнеллере. У него сейчас много заказов, но для московитского царя, — канцлер издал смешок, — конечно, найдёт час-другой. А корону на портрете мы поместим сзади, на полочку — для понимающих людей, — вельможа добродушно засмеялся, и Фо с готовностью ему вторил. Утерев, наконец, слезу, канцлер сказал: — Признаюсь, Фо, я не верил, что ваш план сработает. Выбрать на роль совершенно не похожего человека, старше на дюжину лет, выше ростом, отъявленного негодя и висельника...

— Именно такой, как Синглтон, и нужен, — вставил Фо. — У него достанет сил обуздать тех, кто усумнится в нём.

— Да, да, этот пират выстроит флот и сломает хребет Швеции. Чертовски удобно, когда за Англию воюет кто-то другой! Ваш план превосходен! Вам, Фо, надо писать плутовские романы, ну, знаете, — канцлер поводит в воздухе указательным пальцем, — пикарески вроде тех, что контрабандой привозят нам от испанцев. А скажите, у пирата Боба ведь

осталась жена? Наши люди за ней присматривают?

— Он женат, но... — Фо замялся.

— Да говорите же! — одёрнул канцлер.

— Выяснилось, что его жена... Коротко говоря, годы, проведённые в открытом море, пробудили в Бобе Синглтоне неистовую страсть оригинальничать. Со своим товарищем по походам, неким Вильямом, квакером, капитан Боб учредил клуб курильщиков трубок. Ну, вы понимаете... К счастью, этого Вильяма вовремя схватили: он проживал при Синглтоне в качестве лакея.

— Гм, гм, — только и сказал канцлер, глядя поверх головы Фо.

— Господин канцлер, ещё одно скромное соображение. Надобно предусмотреть запасной рычаг воздействия на Синглтона. Держать долее московита в Тауэре опасно — пойдут слухи. Хорошо бы его отправить на какой-нибудь пустынный тропический остров. Если Боб Синглтон сделается неуправляем, мы извлечём подлинного царя из шкатулки и...

— Что ж, Фо, это разумно. Думаю, мы так и поступим. Впрочем, запомните, Фо: самая лучшая узда — это женщина.

— Господин канцлер, боюсь, в случае пирата Боба это невозможно, — растерянно проговорил Фо. — Я упоминал его участие в клубе любителей трубок...

— Ах, Фо, вам ещё столько надо научиться, — с лёгкой укоризной произнёс канцлер. — Рано

или поздно в Московии появится королева, так пусть она будет нашей ставленницей. Когда Сингльтон свыкнется с ролью, подsunьте ему авантюристку из тех, что безуспешно добиваются внимания славного короля Вильгельма.

Канцлер и Фо достигли конца дорожки и повернули обратно. Медленно приближались парковые ворота, а значит, и конец аудиенции.

Фо собрался с духом:

— Ваше сиятельство, а что насчёт... моего дела?

Канцлер остановился, глубоко вздохнул и положил руку на плечо Фо:

— Трое из семи необходимых лиц согласились. Ещё двух я повидаю до конца осени. Не думаю, что они станут возражать. Возможно, заупрямится граф Монмут, ты же знаешь — падагрические старики склонны к ворчанию. В конце концов, и он даст согласие. Да, мой мальчик, придётся ещё немного подождать... Впрочем, оно и к лучшему. Общественное мнение нынче солидарно в том, что сертификат выправлять... неприлично. Не поддавайся унынию, Дэнни, ты станешь Де Фо, обязательно станешь.

Фо с готовностью затряс головой.

— Напомните, Фо, к какому цеху вы приписаны?

— К мясницкому.

— К мясницкому, — вдумчиво повторил канцлер. — Понимаете ли, Фо, не так уж трудно стать дворянином. Трудно выйти из

мясницкого цеха. Впрочем, могло быть и хуже. Ваш батюшка, в конце концов, не чучельщик и не золотарь.

В молчании достигли парковых ворот.

— Возьмите в подтверждение нашей благодарности за труды, — канцлер опустил на подставленную ладонь мясника туго набитый кошель. — Мне говорили, дела у вас идут неважно. Чем вы нынче торгуете, Фо?

— Табаком и вязаными изделиями, ваше сиятельство.

Канцлер пожевал губами и проговорил:

— Что ж, я слышал, в Шотландии есть спрос на такого рода товары. Поезжайте туда коммивояжёром. Заодно поспрашиваете, каковы настроения. Пересылка донесений прежним образом — с фараонитами. Ключ к шифру, — вельможа на мгновение задумался, — «Иаков сказал отцу своему: я Исав, первенец твой...»

— «...я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь и поешь дичи моей, чтобы благословила меня душа твоя», — подхватил Фо. — Третья книга Царств.

Выйдя за ворота, Фо распустил тесёмки кошеля. Не золото оказалось там — серебро.

***

1702 год

В проклятый час тогда, четыре года назад, Петруша пришёл посмотреть верфь Ост-Индской

компании. В трюме недостроенного фрегата русского царя скрутили. Потом была переправа в Англию в трюме корабля, несколько месяцев в каменном мешке Тауэра и опять плавание — на юг. Царственного узника освободили от кандалов и стали выпускать на палубу. Созвездия были незнакомые. Петруша понял, что находится далёко от Руси. На острове надзор за Петрушей вовсе сошёл на нет: бежать всё равно некуда. Пленник в одиночку гулял по песчаному берегу. Однажды подобрал оставленный на пороге кухни топор и стал обтёсывать полено.

— Питер, мин херц! — воскликнул офицер Джек, командовавший приставленной к царю стражей. — Ты удивляешь меня! Зачем тебе топор? Разве ты испытываешь к кому-то из нас неприязнь? Разве мы чем-то тебя обидели?

— Хочу дать работу рукам, — просто сказал Петруша.

— Так возьми барабан!

— Не хочу барабан, хочу плотничать, — заупрямился царь. — Вот, стол у нас невелик, трапезничаем по очереди. Сколочу большой, чтобы всех разом посадить.

— Ну, Питер, мой мальчик, бери топор, но смотри, не поранься снова! Пальцы лишними не бывают!

Петруша с трудом проглотил обиду. Стражник ведь знал, что случилось с Петрушиной рукой, но от шутки не удержался.

Вскоре Петруша выпросил у пирата тесло, скобель, стамеску и рубанок.

Стол был готов спустя неделю. Офицер остался доволен:

— Питер, мальчик мой, да ты царь-плотник!

Дополнив обстановку хижины ещё несколькими тяжеловесными предметами, Петруша принялся валить деревья дюжинами.

— Что ты задумал, мин херц? — спросил стражник.

— Живём в тесноте. Надобно избу ставить!

В джунглях Петруша расчистил площадку. Заострил верхушки брёвен и поставил частокол:

— Нарекаю сей форт Сантпиртербурхом в честь своего небесного покровителя, Петра-апостола.

Внутри срубил просторную куб-четырёхстенку с подклетом.

— Питер, ты самый ухватливый из нас в обращении со всевозможным инструментом, — сердечно начал Джек. — Вынь у меня из челюсти этот проклятый зуб. Мочи нет дожидаться корабельного доктора.

Царь хмыкнул. Отчего не попробовать?

Разглядев в глубине офицерской пасти свищом прободённый мудрый зуб, Петруша стал искать пригодный инструмент. После нескольких неудачных проб, озаменованных протяжными стонами Джека, царь понял, что удобнее всего рукоятка обыкновенной чайной ложки. Действуя ею как рычагом, Петруша скоро

распатал и извлёк зуб, сам поражаясь собственной ловкости. Державшийся за щёку Джек с трепетом рассмотрел длинные кривые корни, а потом спрятал зуб под свой тюфяк.

Раз в год корабль доставлял всё, необходимое для жизни маленькой колонии. Мешки риса, изюма и гороха, круги голландского сыру, вяленое мясо, ветчины, муку, солонину, сухари, сахар, ящики вина и рома, порох, шейные и носовые платки, чулки и сорочки шлюпкой привозили на берег.

На третий год в положенный срок корабль не пришёл.

— Верно, кабинет в очередной раз рухнул, и о нас забыли, — с тоскою говорил офицер Джек, напрасно изучая горизонт.

Снабжение не возобновилось ни на пятый, ни на шестой годы. Царственный узник и стражники пообносились и оголодали.

Петруша догадался приручить водившихся на холмах коз и вернул в рацион мясо. Из козьей шкуры он сшил себе остроконечный колпак от солнца, бекешу и сапожки мехом наружу. Как-то расприметил около мусорной кучи проросшие колоски. Через пару лет усилиями Петруши островитяне вспомнили вкус хлеба.

— Картина: один царь трёх стражников прокормил, — вымученно бормотал офицер Джек. Очевидно, эти слова заменяли в устах англичанина благодарность.

На седьмой год к острову после бури прибило разбитый барк

— срубленные мачты, протекающие борта и ни единого человека команды. Петрушины стражники нашли в трюме припасы и боченок рома. Радость их была так велика, что когда из-за горизонта посмотреть на корабль приплыли караибы, сражаться сил ни у кого уже не достало. Только Петруша, не участвовавший в празднике, подхватил фузею и скрылся в форте, из-за частокола пальнул по дикарям жеребейками раз, другой. Уцелевшие дикари прыгали в пироги и отчаливали. Петруша вышел на берег осмотреть поле битвы. Количество мёртвых тел внушало Петруше грусть: ему ведь хоронить. Вдруг Петруша приметил на песке связанного дикаря: должно быть, караибы взяли в полон из враждебного племени. Петруша подумал, что денщик не будет лишним. Был день накануне Страстной Пятницы, в её честь Петруша и решил назвать дикаря. Приведя Пятницу в чувство остатками рома и вытерпев поток тарабарских благодарностей, Петруша вручил дикарю заступ.

Без назойливого пригляда англичан и с трудолюбивым помощником можно было уплыть с острова. Впрочем, не обошлось без затруднений.

— Никакой ты не Пятница, — изрёк однажды Петруша, отбирая скобель у дикаря. — Тяпница ты! Всё абы как делаешь! Дай тебе топор — чего доброго, сломаешь инструмент. Иди, убогий, приготовь ужин.

Готовка дикарю удавалась, хотя он и жаловался поначалу, что привык жарить не козлятину, а иное мясо.

— Вот каков царский бот, — с гордостью произнёс Петруша спустя три года. На борту он начертал: «Фортуна».

Ещё год ушёл на то, чтобы подтащить кораблик к воде. В ожидании конца сезона дождей заготовили припасы. Наконец, погрузились и с Богом отчалили.

Полтора месяца Петруша и Тяпница скитались по волнам, прежде чем их подобрало следовавшее в Нанкин португальское судно. Сошедши на берег, царь и его денщик отправились в Пекин. Не составило труда разыскать русский торговый двор и присоединиться к купеческому каравану, что возвращался на Русь. Путники выдавали себя за невезучих заготовщиков пушнины и бережно расходовали то небольшое количество золота, что перед отплытием с острова Петруша выгреб из сундучков своих стражей.

На двенадцатый день дороги Петруша обернулся на денщика, весело крикнул, раздувая ноздри:

— Чуешь, Тяпница? Русь началась!

И взаправду, сменялись Нерчинск, Еравинский острог, река Амур, Енисейск.

Ночью выпал снег. Наутро Тяпница, поёживаясь, спросил:

— Господин, что за белая гадость лежит под окном?

Восемь месяцев странникам пришлось провести в Тобольске на

зимовке. Однажды на улице какой-то старик рухнул Петруше в ноги:

— Государь!

— Чего ты, старче, чего ты, — заторопился Петруша, беспокойно оглядываясь по сторонам. — Ты, Голицын, верно, меня, каллику перехожую, с кем-то спутал.

— Государь! — исступлённо повторил старик. Поймав Петрушину покалеченную руку и прижавшись к ней лицом, зашептал горячо: — Государь, я твой мизинный пальчик в ладанке ношу, на сердце.

— Замолвлю за тебя словечко перед царём, — подмигивая, произнёс Петруша, — когда в Москву вернусь.

— Теперь новая столица — Санктпетербурх, там самозванец сидит, в Москву и не заглядывает. В Санктпетербурх иди, государь, по пути скликай ополчение да грамоты окрест рассылай: раскольникам их толк обещаю разрешить, чёрному люду — подати отменить.

Много ещё наставлений дал Петруше старый верный слуга его, но Петруша решил пойти другим путём, так и сказал:

— Мы пойдём другим путём. Не хочу новой смуты, смертоубийств и разорения царства. Коль с такой лёгкостью злодеи меня подменили, нетрудно будет и обратную подмену произвести.

— А кто это с тобой, на беса похожий? — вдруг насторожился Голицын.

— Папуас из Гондураса, — махнул рукой Петруша.

— Имя басурманское. Окрестить бы его в Митьку.

— В свой срок окрестим, — заверил Петруша. — А что за листки, Голицын, у тебя из-за пазухи торчат?

— Изволь, государь, куранты из Сантпитерсбурха. Почитай, как в твоё отсутствие с царством обходятся.

Петруша пробежал глазами бумажную полоску и ужаснулся. Исчезли трёхзубчатая «пси» и похожая на оперённого хвостом ушастого полоза «кси». Убежали на своих трёх ножках юсы малый и великий. Укатились в неведомые дали «омега» и «ферт». Испарились все до единого надстрочные значки. Даже сделав над собою усилие, Петруша не смог прочесть документ.

— Что за письмо такое? — удивился Петруша, возвращая листок.

— Самозванец новую азбуку принял!

Петруша подумал, что пирату Сингльтону, должно быть, трудным показалось русское письмо, вот и поправил под себя.

— А что ещё самозванец учинил?

— Бороды резал, кафтаны драл, колокола перелил на пушки, — запричитал старик. — Мироед! Сынов в рекруты побрал! Стольный град на чухонском болоте воздвиг! Оморок мирской!

— Ох, набедокурил пират Боб! Первым делом «ферт» верну, — бормотал Петруша, трясая в седле по ведущему на запад тракту. —

Потом «ижицу». Тяпницу облакаю: выдам рожок и трещотку, сержантом назначу, всё равно ума малого.

Близ Соликамска Петруше с Тяпницей едва удалось спастись от шайки степняков. Петруша уверился, что супротив всякой беды нет средства лучше молитвы: возносишь Славу Пресвятой Троице за-ради твёрдости руки и стреляешь из фузеи жеребейками.

А за Соликамском уже, почитай, начались родные места.

***

1710 год

В кабаке на окраине Сантпитерсбурха Петруша подсел к лейб-гвардейцу и завёл беседу.

— А чего государь-анпиратор, Пётр-то Алексеич, Бог ему здоровычка? — между прочим спросил, подливая солдатику горькую.

— Простой-простой аки схимник. Башмаков у него две пары, да и те разбитые, стоптанные. Из дому в суконном кафтане часто выходит. Штопаные чулки носит. А блажь есть, есть. Коль на новом месте ночует в какой хоромине, так обязательно прикажет низенько, над самой головой, парусину натянуть, чтоб казалась маленькой комнаткой, ну, как...

— Как кубрик на корабле, — подсказал Петруша.

— Во-во. И пьёт — точно матрос, — понизил голос солдатик.

— Да все мы так пьём, все, — успокоительно приговаривал Петруша, снова подливая водовки.

— А кто это с тобой? — вдруг спросил солдат, указывая подрагивающим перстом на Тяпницу. — Краснорожий, как чёрт с иконы адописной.

— Да это монгол, друг степей. Едва на свет выродился, обмёрз шибко. Так чего анпиратор?

— Баба евонная... Дер магнус матка Катеринка. Роду подлого — остзейская портомоя. Бают, умеет она...

— Ну, ну, тише, служивый, — увещал его Петруша.

Несколько седмиц выслеживали Петруша с Тяпницей поддельного анпиратора и, наконец, выгадали удобный момент для встречи лицом к лицу.

Боб Сингльтон шагал по пустынному, ещё не закованному в гранит, берегу, позади семенила горбатая фигурка — то ли слуга, то ли шут.

Петруша выскочил из куста и рывкнул:

— Пират Боб, тать, изувер и мошенник! Верни мою державу!

Сингльтон оглянулся и на помеченных шрамами щеках его заиграли яблочного размера желваки. Как-то по-особому пират повернул набалдашник трости и извлёк из деревяшки равное ей по длине стальное остриё.

— Ужо тебе, — промолвил Петруша, доставая из ножен сабельку.

— Самозванцы! — загремел голос с холма. — Оба самозванцы!

Детина в русском платье сбегал на берег:

— Я Пётр, русский государь!

Что, забыл, немчин, как в Кукуевой слободе, меня умыкнув, тебя взамен подсунули?

Петруша хлопнул себя по лбу. За годы на необитаемом острове он действительно напрочь запамятовал о том, что происходил из знатного саксонского семейства и целых пять лет до злосчастливого посольства в Голландию изображал царя Московии.

— Так я утёк из столба, куда меня замуровали, утёк, — зловеще продолжал детина, поигрывая топориком. — Ногтями за дюжину годочков проскрёб ход и утёк.

Вдруг шут улыбнулся широко, всплеснул ручками:

— Господа, вы ведь понимаете, что один из вас должен остаться целым и невредимым? Кто — для наших покровителей, в сущности, значения уже не имеет.

— Верно, герр Лакоста, кто-то ведь должен править государством, — пророкотал пират и на всякий случай проткнул Лакосту шпагой. — Прискучил мне сей сикофант, — признался, строящая тело с клинка. — Конечно, из Сити нового пришлют, да когда то будет. А там кто маячит, с красной, как кирпич, рожей?

Ни Петруша, ни Пётр не ответили глаз от Боба и друг друга.

— Может быть, будем править по очереди, а, господа? — с надеждой предложил Петруша, медленно подвигаясь противникам во фланг. — А то дел столько наворочено, что в одиночку, наверное, трудноато.

— Я согласен, судари мои, —

ощерился детина с топором, кружа вокруг Сингльтона и Петруши.

— Недурная идея, и мне облегчение от забот выйдет, — процедил пират, бросил в лицо Петру треуголку и сделал выпад. Пётр увернулся и взмахом топора наискось заставил Боба отшатнуться. Петруша хотел пнуть настоящего царя, да промахнулся.

Звенела сталь. Башмаки, меховые сапоги и яловые уминали глину. Свистела английская брань. Щёлкали немецкие чертыханья. Звучала подобно пощёчинам ругань по матушке.

Тяпница устало опустил на землю, скрестив ноги. Мир вокруг будто кичился странностями: уже которые сутки не наступала ночь, а по светлому небу перекатывалась луна. Трое мужчин сражались не на жизнь, а на смерть. Сильнейшему Тяпница и будет служить.

***

А в это время Роксана, известная в Российской Империи под именем Екатерины Алексеевны, шла раздавать милостыньку. Камер-лакей Монс нёс мешок с золотом.

— Деньги-то, деньги на ветер пускаем, — канючил Монс. — Ох, лучше б я их украл...

— Ничего эти монеты не стоят,

— отрезала Роксана.

— Как не стоят? — вскричал фаворит. — Двести червонцев раздаём за раз! Как же это «ничего»?!..

— Пока лежат в сундуке, всё равно что свинец, — учительно сказала Роксана. — А как попадут в горсть мужичку, солдатику, морячку, так сразу в цену входят.

— Мудра, муттер Катэрин, ой, мудра, — вскричал Монс. — Честно, я ничего не понял.

— Куда уж тебе, — буркнула Роксана и увидела краем глаза, как фаворит снова запускает руку в мешок. — Смотри, Виллим Иванович, как бы башку за казнокрадство не сняли.

— Коли снимут, то за иное, — весело сказал Монс и попытался ухватить Роксану за мягкое, но пальцы застряли в фижмах китового уса.

— Матка! Крёстная! Государыня! Благодетельница, душа наша! — загудели ожидавшие в приёмной преображенцы и семёновцы. — Катерина Алексеевна!

«Государь Пётр Алексеевич не вечен», — думала Роксана, раздавая золото. Когда умрёт, кто вступится за убитую горем вдову? Кто охранит для неё престол от посягательств и ков злодейских? Простые солдатики и морячки, только они.